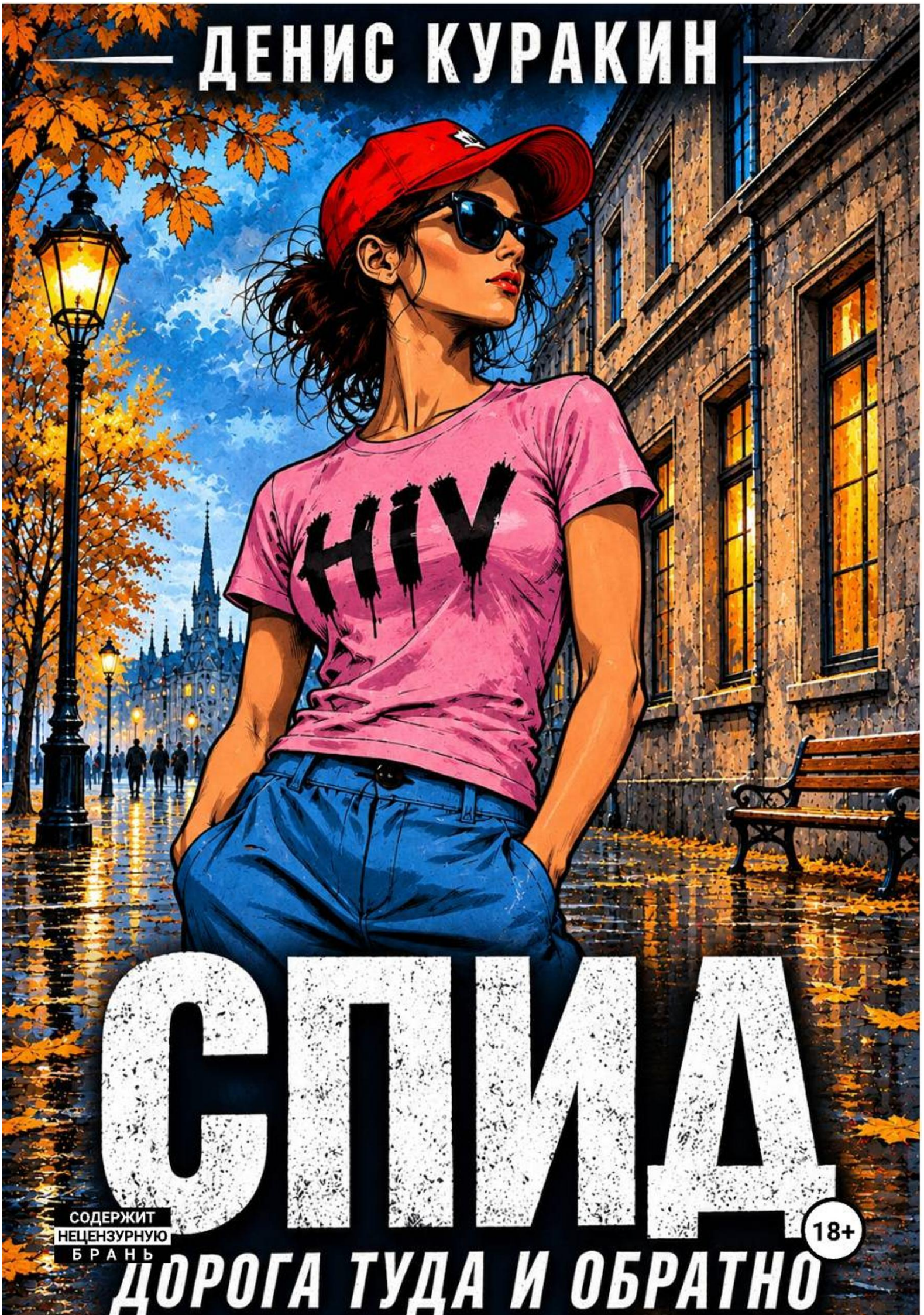

ДЕНИС КУРАКИН
HIV
США
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+
ДОРОГА ТУДА И ОБРАТНО

Денис Куракин

СПИД. Дорога туда и обратно

«Автор»
2024

Куракин Д. С.

СПИД. Дорога туда и обратно / Д. С. Куракин — «Автор», 2024

В сентябре 2015 года главный герой узнаёт о ВИЧ-положительном статусе. Вскоре выясняется, что это уже СПИД, иммунная система критически ослаблена, а впереди — лечение, осложнения, больницы и борьба за жизнь. Это автобиографический рассказ о пути через страх, болезнь и одиночество, о врачах и людях, чья поддержка помогла автору выстоять, а также о любви, вере и возвращении к жизни.

© Куракин Д. С., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 5
Глава 1. Сувенир из прошлого 7
Глава 2. Калетра 9
Глава 3. Турбович 12
Глава 4. Пневмония 14
Глава 5. Наркоманы 21
Глава 6. Прозрение 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

СПИД. Дорога туда и обратно

Глава

ДЕНИС КУРАКИН
СПИД
Дорога туда и обратно
Москва · RUGRAM · 2023

ПОСВЯЩАЕТСЯ АЛИСЕ МЯРЦ
«БЕЗ ТВОЕЙ ЛЮБВИ МОЯ БОРЬБА ЗА ЖИЗНЬ

НЕ ИМЕЛА БЫ СМЫСЛА».

СОДЕРЖАНИЕ
Глава 1. Сувенир из прошлого
Глава 2. Калетра
Глава 3. Турбович
Глава 4. Пневмония
Глава 5. Наркоманы
Глава 6. Прозрение
Глава 7. Адаптация
Глава 8. Оппортунисты
Глава 9. Этапы
Глава 10. Неверные действия
Глава 11. МАК
Глава 12. Башня смерти
Глава 13. Борьба за жизнь
Глава 14. Опять «Соколинка»
Глава 15. После выписки
Глава 16. Гепатит
Глава 17. Окончание
Глава 18. Что важно знать

СПИД. ДОРОГА ТУДА И ОБРАТНО

Это было в далеком 1988 году. Однажды, открыв дверцу почтового ящика, я с удивлением обнаружил в нем небольшую брошюрку голубого цвета. На брошюре крупными буквами красовалась яркая надпись — «СПИД». Тщательно изучив материал, я до такой степени впитал в себя всю содержащуюся там информацию, что под конец прочтения решительно понял, что обязательно заражусь СПИДом. Глупость, конечно, но пойди разберись теперь в сложном мировоззрении тринадцатилетнего подростка. Так в моей жизни поселилась фобия. Она постучалась, я отворил дверь и поселил её в своей собственной голове, дав ей полное право руководить моим образом жизни.

В 1990 году я получил травму и оказался в детской хирургии. Мне сделали операцию, и все было хорошо. Но через несколько недель после выписки со мной произошла катастрофа. Ночью у меня поднялась температура, которая продлилась несколько дней. У меня не было простуды или других причин для такой реакции организма. Затем подмышками увеличились лимфатические узлы, а живот и спину осыпал опоясывающий герпес.

«Ну, вот и все, — подумал я. — Все симптомы ВИЧ налицо. Точно, острая стадия! Я же говорил, что заражусь. Предчувствовал!»

С тех пор моя жизнь круто изменилась. Я загнал себя в состояние грустного эмо, этакого ослика Иа, добровольно уйдя в глубокое духовное подполье. Что это значит? Это значит, что я подался в добровольный целибат, хотя тогда было самое светлое время подростковой романтики. Девочки строили глазки и порой открыто давали мне понять, что они не против, чтобы между нами возникла близость. Первая и самая настоящая. Мои друзья делились со мной своими впечатлениями от первого в жизни секса, а я неизменно отрекался от всех отношений, и это вызывало насмешки и непонимание.

Затем служба в армии, первые отношения, совместная жизнь — попытка создать семью. Все постепенно нормализовалось, а страхи и сомнения сами по себе улетучились. Время шло, одни отношения сменялись другими, и вся моя беспорядочная жизнь превратилась в бесконечный калейдоскоп новых впечатлений. Все так продолжалось, пока однажды я чуть было не умер. Врачи не давали мне шансов, но я все же выжил и, вернувшись к жизни, решил остепениться и взяться за ум. Вот тут я и познакомился с девушкой по имени Алиса. Мы расписались, и моя жизнь снова пошла только вверх. Карьерный рост, квартира, машина — счастье. Прошло семь лет, и одним сентябрьским днём произошло то, о чем повествует эта книга.

Глава 1. Сувенир из прошлого

Москва — сентябрь 2015 года. Я сижу за монитором компьютера, пытаясь найти ответ на очень волнующий меня вопрос. Сегодня я должен получить результат тестирования на ВИЧ, но почему-то его задерживают. Главный вопрос сегодняшнего дня: «Почему результат задержан?»

Ответов нет, но есть леденящий душу страх, который с каждой минутой становится ощутимее. Какая может быть работа, когда все твои мысли только об одном и ты занят поиском ответов на огромное количество вопросов. Пальцы пляшут по клавиатуре, раз за разом забивая в поисковик:

«Что делать, если обнаружили ВИЧ?»

Тщательный поиск даёт противоречивую информацию. Одни говорят, что это 100 % смерть, другие, что все это ложь — ВИЧ не существует, его никто не выделил, а СПИД — это всего лишь ослабление иммунитета, который вызывается различными факторами. Появляется робкая надежда на спасение…

Следующий день не приносит особых изменений — лаборатория молчит, а мне не хватает духу позвонить туда самому. Вот так и маюсь весь день — настроение никакое, злой как собака, матерюсь и кусаю всех подряд. Возвращаясь вечером домой в электричке, забиваюсь к окну в уголке вагона и рою, рою информацию. Но все остаётся тайной до той поры, пока я тяну время. Сдуру опять закурил! Пусть нена

долго, но так все-таки легче. Понимаю, что скоро сойду с ума. Всё-таки не выдерживаю и звоню сам. Ответ сбивает с толку.

— Приезжайте за результатом в лабораторию. — Ну, вы можете сказать, что у меня там? Пытаюсь надавить, но все тщетно.

Ну, вот и все. Я сижу в кабинете послетестового консультирования лаборатории INVITRO, у меня ВИЧ, и в этом нет никаких сомнений. Есть результат ИФА и подтверждение иммуноблота. В голове крутится песня Земфиры «А у тебя СПИД, и, значит, мы умрем», жизнь дала трещину, а я ещё и не пожил. Но самым страшным для меня было другое, я совершенно не понимал: как мне сообщить об этом своей супруге, что нас теперь ждёт и что мне вообще сейчас делать?

В этот день я курил страстно, много, словно стремясь выжечь всю тяжесть, что лежала на сердце. Дым валил из ушей и ноздрей, да так, что закрывал своим маревом яркое солнце. Господи, как мне было жутко! Но это был страх другого рода — страх за жизнь близкого человека, страх посмотреть ей в глаза, признаться. Все это не просто нарушало течение и красоту жизни, а ломало ее, разрушало ее структуру, обрекало ее рухнуть в пропасть и делало меня виновным в страшном преступлении, лишало будущего.

Мне было одиноко и траурно необратимо. Я ощутил себя всеми брошенным ребёнком без ножек и ручек. Я заперся в салоне автомобиля, жалея о том, что на стёклах нет железных штор, и больше не искал спасения в интернете; я поверил консультанту, я поверил в свой ВИЧ. Возможно, этому способствовал тот факт, что в моем дворе уже давно свирепствовала ВИЧ-инфекция и очень много моих товарищей на тот момент были ВИЧ-позитивными. Большинство из них уже умерло от СПИДА, но кто-то был жив и при этом умирать не собирался. Напротив — они были бодры

и веселы, строили планы на будущее. Это заставляло задуматься и попытаться разобраться: «Почему одни мертвы, а другие нет? Почему те, кто остался жив, до сих пор живут, уже пятнадцать лет, вопреки прогнозам врачей?»

Сейчас мне нужно было собрать волю в кулак и, преодолев страх, позвонить жене. Это нужно было сделать, но я все не мог решиться. Я тянул время, трясясь как кролик. А потом стал ненавидеть прохожих. Таких веселых и беззаботных. Я их ненавидел, будто это они, а не

я сам, виноваты в происходящем. Последняя сигарета «Парламента» стала особенно горькой — зазвонил телефон, это была Алиса. Все сжалось, в ушах зазвенело, время застыло. Я словно пережил смерть и рождение. Провал в саму преисподнюю и возвращение из неё.

Разговор с Алисой получился коротким и опустошающим. Я прекрасно осознавал происходящее и понимал ее чувства. Ее мир рушился, разбрасывая осколки в разные стороны и раня своими острыми краями.

Домой я вернулся поздно вечером. Свет был погашен, а Алиса лежала на кровати, накрывшись с головой одеялом. Конечно, она не спала, но я к ней не подошёл. Сказать мне было нечего, я был пуст и раздавлен. Я разделся, погасил свет и лёг на кухне.

Утром мы сели за стол переговоров. Она не задавала мне много вопросов, спросила только: «Откуда у тебя ВИЧ?» Это было справедливо и закономерно. Я чувствовал себя предателем, и слова оправдания сбивались и путались во рту, я что-то мычал и заикался, а она смотрела на меня пристально своими огромными печальными глазами — в самую мою душу...

Мы вместе семь лет — было хорошее и плохое, и все это сплотило нас и научило доверять и принимать друг друга. Это и спасло нас от разрыва.

Глава 2. Калетра

Я встал на учёт и сдал кровь, чтобы выяснить состояние иммунитета и вирусную нагрузку. Это сейчас, записывая эти воспоминания, я понимаю значение этих слов. Тогда для меня все было бессмысленным и непонятным. Я не понимал, что это такое — CD 4, CD 8, ИС и прочие аббревиатуры. Я даже не совсем осознавал происходящее.

Я был спокоен как удав и относился ко всему с иронией.

Алиса была отрицательна! Это радостное известие освободило меня от оков страха. Прошёл первый шок, улеглись первые переживания. Я знал, что Алиса со мной, а это значит, что я могу сосредоточиться на происходящем.

И на приеме я искренне улыбался женщине-врачу, был максимально честен с ней и поэтому заслужил ее уважение. Сдав кровь, я спокойно отправился домой на две недели — ждать результат. Тогда я еще находился в огромных розовых очках беспечности…

Отступая назад и вспоминая время «до», я пытаюсь восстановить происходящее со мной: чувствовал ли я, что со мной что-то не так? Подсказывала ли мне интуиция или знаки вселенной о надвигающейся беде?

Жизнь текла размеренно и приносила больше удовольствий, чем разочарований. Я был счастливым человеком и жил с широко раскрытыми глазами.

Я работал в крупной компании, и у меня была хорошая должность, приносящая стабильный доход. После работы я садился в автомобиль и ехал по улицам вечерней Москвы в студию, репетировать с группой музыкантов. Музыка и поэзия — это мой мир, это моя жизнь, это я сам по сути. Я не представлял свою жизнь без творчества и посвятил ему всю ее сознательную часть. Я не оставлял попыток создать чтото великое, но всегда упирался в тупик. К сорока годам я выдохся и, расслабившись, просто наслаждался вечерним времяпрепровождением в маленькой студии.

Я стал замечать, что быстро теряю силы. Я задыхался, солируя, и перестал тянуть вокал. Сердце стучалось, а в голове кружилась карусель, в глазах темнело, и я сбивался. Это бросалось в глаза, ведь ошибки в вокале были яркими. В последнее время я стал петь сидя — так мне было легче сконцентрироваться. Я стал забывать собственные песни, и мне пришлось читать текст с бумаги. Я похудел — сначала я думал, что это из-за недостаточного питания, но, прибавив в рационе, я продолжал утончаться. Моя худоба стала бросаться в глаза окружающим. На это стали чаще обращать внимание, в том числе и музыканты группы. Отлично помню тот момент, когда один из них посмотрел на меня и спросил:

— Ден, у тебя все хорошо? Ты какой-то желтый весь! Или это свет тут такой?

А второй, шутя, с дурацким смехом громко сказал: — Да у него просто СПИД, наверное! Гы-гы-гы… Я улыбнулся, не показывая виду, что меня это очень задело, ведь в душе уже было тревожное ожидание неизбежной пропасти. Это чувство сидело глубоко внутри как заноза, как ядовитая капсула, медленно отравляющая мою

кровь.. Мне стало неловко, мне даже показалось, что на глаза навернулись слезы, поэтому я просто грубо послал его на три буквы, а затем начал следующую композицию.

Я понимал, что со мной что-то не так. Но мне не приходило на ум, что это тот самый вирус. Все так бы и продолжалось до тех пор, пока не оборвалось…

МГЦ — Московский городской центр по борьбе со СПИДом. «СОКОЛИНКА» — это сленговое слово приходилось слышать мне и раньше, но именно сейчас оно стало по-настоящему значимым. Я знал, что именно тут находится это страшное место. Каждый раз, проезжая мимо него, внутри себя я ощущал появляющийся страх. Помню, что всегда отворачивался, лишь бы не смотреть на это жуткое здание и не накликать на себя беду. Это происходило всегда, в течение всей моей взрослой жизни, после того как я впервые услышал эти слова: «ВИЧ»,

«СПИД», «СОКОЛИНКА». Я знал, что здесь отдают концы, знал, что здесь царят смерть и забвение — здесь обитает СПИД.

Вопреки обещанным двум неделям ожидания после сдачи крови для проверки состояния иммунитета и вирусной нагрузки, мне позвонили через три дня. В сильно растерянных чувствах я сидел в кабинете врача, глупо улыбался и моргал глазами.

Екатерина Геннадьевна Корогодская — инфекционист, к которой я встал на учёт, была добра и открыта, я посмотрел ей в глаза, излучающие сочувствие, и приготовился…

0 CD4, 0 % CD 4 и 450.000 вирусная нагрузка. Я сидел и тупо следил за её указательным пальцем. Изящный пальчик инфекциониста настойчиво тыкал в роковые цифры. Они мне пока ни о чем не говорили. Я был спокоен, и, наверное, это меня спасло. Что называется — грамотный подход и профессионализм врача. Она, подобно мастеру айкидо, перенапра

вила мою энергетику и задала нужное направление. Я даже не успел опомниться, как в моих руках уже было лист на обход всех врачей и рецепты на АРВТ. И самое главное! Никакой паники, никакой жути.

Вечером я сидел за кухонным столом, на котором лежали три пачки АРВТ терапии. Так я впервые познакомился с новыми названиями в своей жизни: Калетра, Тенофовир, Ламивудин. Кроме этого мне была назначена профилактика оппортунистов. Что такое оппортунисты, я тоже не понимал, и именно поэтому совершенно не паниковал.

Недолго раздумывая, я отсчитал нужное количество таблеток и закинул их в рот. Застыл, прислушиваясь к ощущениям. Посмотрел на Алису, она сидела напротив и с интересом, пристально смотрела мне в глаза. Ее спокойствие внушало умиротворение и ощущение покоя. Я лёг в кровать и закрыл глаза. Сегодня наступила новая эпоха моей жизни…

Ничего не произошло… Я прислушивался к ощущениям, изменениям в моем организме, будто в ожидании эффекта после приема цианистого калия. Но шли минуты, часы, дни, и все было как и прежде — стабильно, мягко и спокойно. Я на всякий случай взял больничный, сославшись на простуду, и затаился на съемной квартире в Подмосковье. С высоты четырнадцатого этажа был виден бескрайний хвойный лес. Я выходил на балкон и вдыхал свежий морозный воздух, наслаждаясь каждым новым днём своей жизни. Пользуясь свободным временем, я попытался разобраться в процессах, которые со мной происходили. Я понимал, что все очень серьёзно и что сейчас мне нужно торопиться. Я ясно осознавал, что сидеть сиднем глупо, нужно изучить врага и разработать тактику боя. Изучив слабые и сильные стороны противника, я смог бы совершить упреждающий удар, я смог бы уклоняться и маневрировать, стать трудной мишенью, а не безропотной овцой на закла

ние. Я искал поддержку и знания, и вскоре я натолкнулся на форум для ВИЧ-положительных. Познакомившись с посетителями, я стал качать информацию, я был дотошным и голодным, жаждал и получал все, что мне нужно. Главным открытием для меня стало то, что у меня, оказывается, СПИД. Это слово, по отношению ко мне, не укладывалось в моей голове. Я узнал, что у меня могут возникнуть оппортунисты, и что это такое, мне тоже рассказали. Я понял, что в таком состоянии у меня спокойно могут развиться туберкулёз, токсоплазмоз, пневмоцистная пневмония и много чего другого из оппортунистических инфекций. Что мне очень нужна противотуберкулёзная профилактика, и это желательно сделать как можно быстрее. Еду из мяса и яиц я должен доводить до полной готовности, а с животными быть крайне осторожным, все это из боязни того же токсоплазмоза. Мне крайне нежелательно ходить в торговые центры, ездить в метро и вообще находиться в общественных местах. АРВТ принимать минута в минуту и, самое главное, обязательно с жирной пищей, а Калетра имеет побочный эффект в виде диареи...

Я прислушался к своему организму, поднялся с кровати и пошёл в туалет. Встав перед зеркалом, пристально рассмотрел отражение, чуть покашлял, прислушался к дыханию. Ничего не вызывало подозрений и беспокойства. Выдохнув, я вернулся в постель. Приняв новые позна-

ния, я задумался: «Интересно, если я начну противотуберкулёзную профилактику, что будет с моей печенью с учётом того, что у меня гепатит С? Как она на это отреагирует?»

Немного подумав и не найдя ответа в своей голове, я открыл записную книжку и набрал единственно нужный номер телефона. Это была не служба спасения, а телефон моего доктора гепатолога.

Татьяна Николаевна Лопаткина — профессор института имени Сеченова, с которой мы познакомились ещё в 2006 году во время моей госпитализации в их стационар, внимательно слушала мою историю. Десять лет назад меня в тяжелом состоянии привезли в ее отделение. Я был при смерти: цирроз печени на фоне нелеченого гепатита С. Тогда меня спасли, во многом благодаря ей, и вот сейчас я опять просил ее помощи. Конечно, она была расстроена, но помочь мне она не могла — все же она гепатолог, а не инфекционист. Но все-таки она стала первым человеком, который выполнил роль хорошего психолога. Мы долго говорили, и она постаралась подарить мне надежду. Конечно, с учетом моего положения противотуберкулёзная профилактика грозила ухудшением состояния печени. Нам срочно нужен был эксперт, и такой эксперт был. Татьяна Николаевна продиктовала мне телефон своего друга и коллеги — профессора фтизиатрии, руководителя туберкулёзной больницы в Москве Сергея Евгеньевича Борисова.

— Позвоните ему и передайте привет от меня! — с улыбкой сказала мне Татьяна Николаевна. — Он должен вам помочь, во всяком случае подскажет, как быть.

Долго я не ждал и сразу же набрал семь заветных цифр. Набравшись смелости, я отстрелял всю обойму из информационного револьвера, конечно, сначала бросив гранату с приветом, и уже следующим утром, ровно в восемь утра, сидел в кабинете главного фтизиатра Москвы. В руке я сжимал свежий снимок КТ, на лицо была натянута марлевая повязка, на руках — резиновые перчатки. Я знал, что иду в самое сердце «Мордера» и подготовился к этому основательно. Я всегда и везде включал мозг, играя по новым правилам жизни. Инстинкт самосохранения обострил все мои чувства. Я стал осторожным хищником, я крался как хитрая рысь, заходя с подветренной стороны, но боже, как же мне было страшно, когда я стоял на пороге этой обители!

Я понимал, что в этом печальном месте, построенном в далёком девятнадцатом веке и с тех пор мало изменившемся, находятся больные туберкулёзом люди. Само название — «туберкулёз» — вызывало во мне все самые жуткие страхи, панику и предчувствие тлена и безысходности. Находиться в самом сердце своего кошмара было для меня тяжёлым испытанием, но все же я переступил свой страх и шагнул в мрачные коридоры больницы.

Глава 3. Турбович

Какие же интересные, эти профессора и ученые! Я впервые столкнулся с таким проявлением ума и возвышенного течения мысли. Я сидел, раскрыв рот, благо маска скрывала тупое выражение моего лица, и наслаждался общением с этим интересным человеком. Он напоминал мне Эйнштейна: его экзотическая внешность, эти седые растрёпанные волосы, блеск глаз! Как это увлекательно! А самым главным было то, что я был ему небезразличен. Он отнёсся ко мне как к человеку — по-отечески и с добротой.

На моих снимках не было признаков зарождающегося туберкулёза, но все же все было совсем не просто. Ведь у меня был СПИД, а это значило, что расслабляться было глупо. Любой вирус или бактерия несут опасность, и даже опухоль при СПИДе развивается атипично. Да тот же туберкулёз может быть не только легких, но костей и суставов, позвоночника и ЦНС! К примеру, милиарный туберкулёз распространяется через кровь по всему организму и поражает все органы без исключения, даже мозг и глаза. Этот убийца дремлет в организме одной трети населения Земли, но подавляется хорошим иммунитетом. Проявляется он только у людей с ослабленным иммунитетом, в первую очередь при СПИДе. Так в мою жизнь пришло новое понятие — «Турбович».

Профессор развёл руками, замолчал и внимательно посмотрел мне в глаза. Подумав немного, он набрал номер и куда-то позвонил. Сделал несколько распоряжений, а затем повернулся ко мне и произнёс:

— Идите, дорогой мой, в соседнее здание. Вас примет врач, который занимается лечением и диагностикой туберкулёза у ВИЧ положительных.

Выйдя на улицу, я сорвал маску и отдышался. Набрав свежего воздуха, медленно побрел по указанному направлению.

Теперь мной занялась специалист отделения для ВИЧинфицированных. Она проверила мои снимки, также ничего не обнаружила и, успокоив меня, отложила назначение профилактики. Учитывая состояние моей печени, это было разумно — рискованно, но необходимо. Мы решили подождать роста клеток CD 4.

Спасибо ей огромное за поддержку и внимание. Мир все же не без добрых людей. И это особенно бесценно во время тяжелых испытаний. Мне повезло, но это было началом…

На работу я не ходил — я взял больничный и продлевал его. Я узнал, что имею право быть на больничном не больше трёх недель, после чего меня должны либо выписать, либо продлить его ещё на три недели, но после консилиума врачей. Ну, или определить в стационар. Но так как я не стал скрывать причину, а сказал сразу, прямо и открыто каждому из врачей, а также и другому медперсоналу, в ответ я получил понимание и доброе человеческое отношение, и даже сочувствие. Мне пошли навстречу, хотя и с некоторым волнением за своё рабочее место. Ведь везде есть руководство, и каждое действие врача регламентировано и имеет строгие предписания.

Имея лист нетрудоспособности, я защитил тыл, получив стабильное довольствие на пропитание в размере оклада. Теперь я спокойно взялся за спасение своего бренного

тела. Умирать было абсолютно не в кайф, как любому мыслящему существу. Мне хотелось жить, дышать, любить, ошибаться, идти вперёд по долгой дороге под названием жизнь.

Немного поразмыслив, я решил пройти обследования, и начал я с УЗИ брюшной полости.

Открытием для меня стало: отсутствие двух сегментов печени, потерянный, но потом найденный, с другой стороны, желчный пузырь и огромное, размером с теннисный шар образование в паху. Глядя в расширенные глаза специалиста УЗИ, я ощутил, как от нехорошего предчувствия по спине потек тоненькой струйкой пот. В общем, вся процедура закончилась направлением на МРТ, которое подтвердило заключение УЗИ — «доброкачественное образо-

вание в паховой области слева». Совсем непонятно было, что это? Но успокаивало лишь, что это пока не требует вмешательства. Ну, что же…

Все это я делал в платной клинике, хорошо понимая ценность времени и высокий уровень качества обследования. Далее МРТ головного мозга, хоть тут порядок, УЗИ почек и ЭКГ. Почки и сердце не вызывали беспокойства, так же, как и глаза. Но вот анализы крови… Все показатели были занижены либо завышены! Такого беспорядка у меня никогда не было. А может, и было? Откуда мне знать? Ведь это впервые я так внимательно изучал своё здоровье. Какой кошмар! Почему я этого не делал раньше? Почему все так запущено? Да, я пью АРВ, а дальше что? Что вообще происходит с моей жизнью? Такой благополучной и восхитительно светлой. Какое загляденье! Сколько надменной борзости в каждом движении и грациозной походке! Чертов сукин сын! Ради чего все это? Что теперь стоит твоя гребаная жизнь? Где вообще были твои мозги, когда ты разрушал свою молодость, создавая вчера своё сегодняшнее? Что ты хотел получить и чего ты хотел добиться? Сейчас ты подвешен и взвешен, и теперь ты ни на что не годишься...

Глава 4. Пневмония

Прошёл месяц, с тех пор как я принял первые разноцветные субстанции под названием АРВТ. Пошёл первый снег, за окнами мело, и вроде все как обычно и даже неплохо. Но все имеет свою меру и всему своё время. Я зря опрометчиво полагал, что меня минула роковая чаша. Зря рассчитывал ускользнуть от правосудия вселенной и очищающего огня. Вечером меня настиг жар. Медленно растущая температура, озноб и липкий пот. Тревожная ночь и нарастающий страх. Все продолжалось до утра, чтобы затем уйти без остатка. А ночью опять с новой силой — жар, жар…

Я искал ответ, задавая вопросы в сообществах. Рыскал и блуждал в поисках, пока однажды мне не написала одна незнакомая девушка. Она посочувствовала моему положению и поделилась одним маленьким секретом. Это была информация, козырь, ключ, открывающий дверь, указатель на перекрёстке множества дорог в то самое единственное верное направление. Она шепнула мне номер телефона врача- инфекциониста, доктора медицинских наук, профессора, ведущего научного сотрудника Федерального научнометодического центра Минздрава России по профилактике и борьбе со СПИДом Кравченко Алексея Викторовича.

Два года назад он спас ее жизнь, вытащив из СПИДа, а теперь и я просил его о помощи. Переполненный эмоция

ми, я слушал его спокойный голос из телефонной трубки, сердце стучало от переизбытка радости и надежды. Он не оттолкнул, он назначил встречу — завтра в 9:00 у него в кабинете. Я радовался как ребёнок, а вместе со мной и Алиса. Это было необыкновенное чувство полёта и божественного провидения. Я так благодарен каждому участнику тех роковых событий. Все они появлялись в моей жизни внезапно, но так вовремя. Каждый из них подталкивал меня на тот путь, на который я встал.

Я понял, что сейчас нахожусь в надёжных руках. Я слушал каждое сказанное профессором слово, ловил каждую незначительную улыбку и выражение его глаз. Я ясно понимал, что этот врач имеет колоссальный опыт и что теперь я буду обязательно долго жить. В этом не было никакого сомнения. Профессор подарил мне надежду, он вложил в меня главное оружие — веру в победу. Я почувствовал, как моя спина разгибается, а душу наполняет спокойная уверенность. Но на этом подарки вселенной не закончились. Видимо, сам Господь решил вмешаться и спасти меня от гибели, я в этом уверен, и именно тогда я это ясно осознал. На следующий день состоялась одна из главных встреч моей жизни. Алексей Викторович представил меня врачу-фтизиатру, профессору Зиминой Вере Николаевне. Это понастоящему важнейшее событие, произошедшее со мной и положившее начало событиям, которые перевернули мою жизнь с головы на ноги. Обаяние и тактичность профессора фтизиатрии заставили меня раскрыться и быть честным. Я чувствовал ее абсолютное доверие моим словам и так же доверял каждому слову врача. Это было похоже на беседу двух друзей — атмосфера кафе и дымящегося кофе. Я имел опыт общения с врачами — в городских поликлиниках, в платных клиниках. Вся эта помпезность, порой высокомерие, иногда грубость. То, что происходило сейчас, не укладывалось в мое представление о врачах. Разрушало стереотипы и ложное суждение об этой профессии. Вот так

должны работать врачи, вот именно таким должен быть специалист. Это так необходимо каждому пациенту. Это называется — партнерское отношение. Пока врач проводила осмотр, изучала снимки и данные анализов, я рассказывал о своей жизни, о своих увлечениях и мечтах. Мы поговорили о музыке, стихах, о моем образе жизни в молодости и сейчас, о причинах произошедшего со мной. О перспективах и о возможных осложнениях. Я получил полную инструкцию на случай возникновения экстренных ситуаций, полный объём информации, необходимый наивному пациенту при СПИДе. Она была предельно честна со мной и не скры-

вала опасений о возможном ухудшении состояния. После начала приема АРВ, с такими низкими показателями клеток CD 4, сохранялась высокая вероятность развития «синдрома восстановления иммунитета», а это значило, что может проявиться туберкулёз. Самое главное, что я усвоил, это контроль динамики температуры тела. Любое повышение температуры, если она ниже 38.5, было нормальным явлением моего сегодняшнего состояния. Самое главное — сохранять спокойствие и следить за общим самочувствием. Температуру не сбивать, соблюдать четкий приём профилактики «Бисептолом», а в случае ухудшения вызывать скорую и госпитализироваться в стационар. А вот если температура поднимется выше 38.5, тогда срочно сообщить об этом своему инфекционисту. Особенно если будет наблюдаться снижение веса, кашель и сильная потливость. Такую температуру следует сбивать жаропонижающими средствами. И, конечно, в этом случае требуется стационар инфекционной больницы.

Мы обменялись телефонами, и я, окрылённый успехом, отправился домой. Я был собран, ведь теперь у меня была четкая инструкция к выживанию.

По пути я позвонил Алисе и взахлёб рассказывал о сегодняшней встрече. Алиса — это единственный человек, с которым я делился переживаниями и кого держал в курсе событий. Мы вместе радовались каждому новому дню. По

сути, больше ни одна живая душа о происходящем с нами не знала. Мы были одни, и всю тяжесть будущей войны Алиса взвалила на себя, став мне опорой.

Однажды один человек назвал меня фартовым. Я тогда послал его на хрен. Ну какой я фартовый? Хотя, с другой стороны, может, и так. Когда я в тяжелом состоянии оказался в больнице (мне диагностировали цирроз печени), у врачей был плохой прогноз, но я остался жить, в течение года восстановился и вернулся в строй. Занялся спортом и стал вести здоровый образ жизни, и вскоре познакомился с Алисой.

Как-то я шёл по улице и случайно натолкнулся на старого знакомого. Он вытаращил на меня глаза и удивленно заорал:

— Ты жив?! А мне сказали, что ты двинул! — Вот это да! Я был, конечно, удивлён услышанному. Внутри как-то все сжалось. Я был растерян, но, собравшись, честно признал своё воскрешение.

— Ну ты фартовый! — подытожил знакомый, был послан на хрен и тихо растворился в подворотне.

Я ещё долго не мог забыть об этом случае, который напоминал мне о тленности бытия. О друзьях, которые разносят сплетни, и даже представил, как они поминали меня водкой. Тогда я первый раз осознал одиночество, тогда ограничил свой круг общения, и именно тогда я открыл в себе Бога.

Припарковав автомобиль у городской поликлиники, я не торопился выключать зажигание. За окном кружила метель, а в салоне было тепло и уютно. Я достал из сумки градусник и откинул кресло. Вот уже месяц меня изводила прыгающая температура. Она поднималась неожиданно до 38 и так же неожиданно спадала до 37,5. Поначалу это происходило спонтанно и ненадолго, но постепенно интервалы стали увеличиваться, а градус становился все выше.

И если днём повышение температуры происходило подобно свече, то раздуваясь, то угасая, ночью она жарила меня беспощадно до самого утра. Врачи, все как один, успокаивали мои страхи — у меня был СПИД, и все, что со мной происходило сейчас, было правилами игры. Мое состояние было нестабильным, и за ширмой общего спокойствия разыгрывалась драматическая линия. Я помнил главные правила: не паниковать, следить за состоянием, следить за динамикой температуры, не сбивать. В случае высокой температуры сообщить врачу или вызывать скорую. У меня не было кашля, простуды, головной боли. Я был по-настоящему растерян, мне было страшно и одиноко в моем страхе. Но все же я был не один — Алиса заботилась обо мне и следила за моим состоянием. Варила морсы, бегала в магазин, готовила и создавала уют и покой. Даже не хочу думать, что бы со мной было, если бы не она…

Собравшись с силами, я натянул респиратор и пошёл на приём к врачу. Мне нужно было продлить больничный, но была одна большая проблема. Лимит больничных был исчерпан, и мне ясно давали понять, что я засиделся. Нужно было принимать решение о госпитализации. Длительная лихорадка — более одного месяца, по мнению терапевтов, требует медицинского вмешательства, тем более при ВИЧ. Для врачей городской поликлиники эта ситуация была нерешаемой, пугающей и заводящей в тупик. Они растерянно смотрели на мою измождённую фигуру и лицо, на тяжелое дыхание под маской респиратора. Сочувствовали и переживали, они пытались мне помочь, но не могли нарушать установки. Поэтому, чтобы не создавать им трудностей, я решил взять все в свои руки. Я набрался смелости и пошёл в кабинет заведующей поликлиники.

Постучавшись в дверь, я попросил разрешения войти. Меня встретила женщина около пятидесяти лет, с уставшим лицом. Я сел напротив неё и честно рассказал всю свою историю.

Рада Игоревна Царькова слушала меня не перебивая. Она приподняла свои очки и сочувствующе смотрела на меня, не пытаясь отвести взгляд. Я просил только обо одном: мне нужно было продержаться на больничном как можно дольше. Я искренне верил, что вот-вот мне станет легче и я смогу выйти на работу. Я верил в своё выздоровление, я знал, что справлюсь, — мне только нужно было время. Я просил ее всем сердцем помочь мне в этом вопросе. Я пообещал, что, если мне станет хуже, я вызову скорую и лягу в стационар и больше не буду их беспокоить. Я очень ей благодарен — она пошла мне навстречу и продлила больничный сразу на три недели. Я повторял и повторял слова благодарности, я впервые искренне говорил спасибо незнакомому человеку. Для меня это было маленькой победой и очередным открытием, что в этом мире огромное количество добрых и отзывчивых людей. Все зависит только лишь от нас — от нашего отношения к этому миру. А все проблемы идут от наших ожиданий неудачи, от нашей неуверенности и от нашего недоверия.

Я сорвал маску и вдохнул морозный воздух. Горячее тело с радостью приняло поток кислорода. Я стоял и смотрел в суровое небо и благодарил его за поддержку. Я устал, и мои ноги подкашивались. Я чувствовал, как теряю силы, как мне невыносимо тоскливо, так, что хочется выть. Я благодарен всем, кто мне помогает, я радуюсь этому и пытаюсь осознать. Но мне так тоскливо-тяжело. Мне так хотелось поехать к родителям, но я не хотел их расстраивать, да и вряд ли бы они меня поняли. Друзья — ну что друзья, что дали бы мне они, кроме чёрного юмора, насмешек и сплетен? У меня была только Алиса и больше никого. Я это четко осознавал, поэтому завёл мотор и поехал в сторону области, туда, где лес и поля, а звёзды на небе ярче кремлевских огней.

По дороге я заехал в придорожное кафе и взял стаканчик капучино. Играло тихо радио, мела метель, а я сидел

и пил горячий кофе, думая о своём будущем. Я стал разговаривать с самим собой вслух. Я говорил и говорил, я изливал душу. Я плакал, и мои слёзы капали в дымящийся стакан. Молчал телефон, молчала вселенная, молчали бредущие люди. Я не получал ответа на свои вопросы. Я нуждался в собеседнике, мне нужно было сказать ему все, что наболело. Мне было страшно и пусто, это было похоже на маленькую смерть. Я чувствовал свою душу, которая билась словно в тюремной камере. Я слышал ее дикие крики и вой. Мы выли в унисон, подобно волкам в полнолуние. И в этом вое не было ничего человеческого.

Я ошибся, в очередной раз совершив неверный шаг. Я был наивен, полагая, что смогу справиться самостоятельно. Находясь целый день в кровати, я, не прекращая, общался с новыми друзьями на форуме. Как же вас много! Разве я мог когда-нибудь представить, что в России так много ВИЧ-позитивных. Бог мой! Я всегда считал, что ВИЧ — это где-то там, далеко, не у нас. Я был уверен, что это болезнь наркоманов или путан, но теперь я видел, что это огромная живая масса, предвестие грядущей катастрофы.

Я не вопрошаю вселенную, не задаю вопрос небесам и никого не виню в своём инфицировании. Я виноват во всем сам, только я, и никто другой. Все эти: «за что?», «почему я?» Все это пустая трата времени и тупая жалость к себе. Я четко осознавал причины произошедшего со мной, и мне было проще найти направление к выходу. Я был тертый калач, прошедший трудности и прикоснувшийся к самому запретному. Но почему среди этой массы ВИЧпозитивных столько самых простых, обыкновенных людей? Обычных человечков с кристально чистыми глазами, полными вселенской любви. Как так произошло, что вирус вышел за пределы узкого круга? Кто допустил его бесконтрольное распространение? Я не верил своим глазам и отказывался принимать эту правду. В России, эпидемия ВИЧ, ещё один палач, ещё одна война, ещё одни бесчислен

ные жертвы, ещё одна плаха для многострадального народа. Спасибо вам, что вы поддержали меня в тяжелые дни и помогли найти опору и место для шага. Спасибо вам за то, что вы спасаете друг друга, брошенные всеми — друзьями, любимыми, родными, государством. Мне было жутко оттого, что каждый день здесь появлялся новый участник, их становилось все больше и больше. Разный возраст, пол, профессии, увлечения. Семейные и одинокие, наркопотребители и спортсмены, гетеросексуалы и геи. Всю эту пеструю компанию объединял ВИЧ, и мне страшно думать о том, что было бы с нами, если бы не спасительная АРВ.

Алиса приболела и уехала домой к маме. Это было нужно, ведь для меня она стала опасной. Показатели CD 4 не росли, а состояние было совсем разбитым и отчаянно подавленным. Я очень устал от скачков температуры — я устал от страха ее ожидания, я боялся ее мерить, я не желал видеть, как ртутный столбик ползёт все выше и выше. Я чувствовал слабость и отрешенность, осознавая, что любая инфекция может меня убить. Поэтому мы приняли решение о временной разлуке. Мы простились, и я остался один наедине со своими мыслями.

Болеть и умирать лучше в больнице, вдали от жалости, слез, переживаний и страданий близких людей. По сути, здесь тебя подготавливают к смерти — миры Босха, семь кругов ада Данте. Я это остро осознавал и из последних сил держался в четырёх стенах квартиры, оттягивая неизбежный момент. Но все же я был вынужден нарушить затворничество и выйти на свет божий. Я не мог просто взять и умереть, мне нужно было поставить очередную отметку в больничном. Мне нужно было съездить и получить АРВТ, сходить в магазин и купить продукты, мне нужно было заставить себя жить. Я сгреб снег с крыши автомобиля, прогрел двигатель, сел за руль и медленно пополз в сторону города вдоль занесённых белым сосен и елей. Возвращаясь

обратно, я зашел в супермаркет и бродил по нему подобно зомби в поисках подходящей еды. Мысли еле шевелятся, движения рук заторможены, по лбу и спине течет пот. Страшный, изнуренный вид, бледно-зелёное лицо, маска респиратора и глаза загнанного в ловушку зверя. Охрана ходила за мной по пятам, приняв меня за наркомана, окружающие брезгливо шарахались. Мне было унизительно и до боли обидно за своё состояние. Я не мог развернуться и объяснить всем глазеющим на меня причину своего страшного вида. Я их всех ненавидел и мысленно бил огромным молотком, разбивая их ухмыляющиеся рожи. Я ненавидел болезнь, ненавидел себя. Меня трясло от лихорадки и ненависти, и лишь автомобиль был моим спасением и убежищем.

Я мчался по магистрали, бешено нахлестывая табун диких лошадей под капотом. Ревел двигатель, играла музыка, я давил на педаль со всей злостью и остервенением. Вскоре я пришёл в себя и немного сбавил обороты, а через мгновение погрузился в беспамятство.

Я открыл глаза резко и попытался осознать происходящее. Моя голова была запрокинута на подголовник, а глаза смотрели в зеркало заднего вида, в котором мелькала панорама шоссе. Автомобиль, подобно пущенной пуле, летел в сторону отбойника на обочине, пересекая полосы на шоссе. Я уверен, что это мой ангел-хранитель вмешался и разбудил меня в тот

самый момент перед катастрофой. Это он вложил в мои руки силу, а в мое сознание безошибочную решительность.

Я выправил траекторию полёта и вышел из смертельного пике по самой кромке обочины. Слегка вильнув хвостом, бешеная «Хонда» нащупала опору и плавно поплыла подобно лодке на тихом озере. По счастливой случайности на трассе было мало автомобилей, и я никого не снес. Я и подумать не мог, что уснуть за рулем можно так легко

и быстро, но, видимо, для этого нужно было находиться в таком состоянии. Я остановился у заправки и уснул.

Поздно вечером я сидел на кухне и медленно жевал приготовленный ужин. Денег, которые мне платили за больничный, вполне хватало на покупку качественной еды. Поэтому кусок красной рыбы, запечённый в духовке, пришёлся кстати. Было тоскливо и грустно в приневоленном одиночестве.

Алиса вернулась внезапно, и с ее приходом в мою жизнь ворвалось весеннее настроение. Я наконец-то расслабился и отдался в ее тёплые и заботливые руки.

Тем временем температура стала подниматься до сорока градусов, и мне пришлось воспользоваться жаропонижающими препаратами. Каждый вечер жар становился нестерпимым, и тогда я выпивал раствор «Фаспик» и ложился под одеяло. Рядом устраивалась Алиса, мы включали фильм, гасили свет и смотрели в экран, прижавшись друг к другу. Вскоре я засыпал, уткнувшись Алисе в плечо. А ночью начиналась бешеная пляска. Я адски потел, и моя кровать превращалась в болото. Я крутился как юла и казалось, что я сейчас утону в этой вонючей трясине. Я вскакивал и звал на помощь — мне было так страшно! Мне казалось, что вот сейчас я несомненно умру, отдам концы, и каждую минуту прощался с миром. Я хотел жить, я очень хотел жить. Из другой комнаты прибегала Алиса, снимала белье, обтирала меня полотенцем, переодевала в чистое. Подносила кружку с водой, и я жадно пил спасительную влагу. Вскоре я погружался в сон, до раннего утра, а утром все начиналось по новой.

Ночь стала подобна дню, а день был подобен ночи. Все слилось, и воспоминания о тех днях будто покрылись пеплом сгоревшей счастливой жизни. Мне становилось все тяжелее контролировать своё состояние, я был спокоен, но хорошо понимал, что поступаю неправильно, находясь дома, а не в стационаре. Я написал Вере Николаевне и возмо

лил о помощи. Мне было крайне неудобно отвлекать ее от работы, и я очень переживал, уместно ли обращаться к ней, а не к своему врачу-инфекционисту. Но я получил очень быстрый ответ — Вера Николаевна направила меня на компьютерную томографию, и я, не раздумывая, собрался в путь. Выпив упаковку жаропонижающего и натянув на себя два свитера, поехал в Москву в сопровождении Алисы. Я нуждался в сопровождении, причиной тому было мое крайне неадекватное состояние — я словно передвигался в невесомости, я ощущал себя плавно-плывущим и бесформенным. Я был жидкостью, тенью, абстрактной фигурой, выпускающей клубы пара и издающей шипящие звуки дыхания. Меня постоянно клонило в сон, поэтому Алиса контролировала мои движения, заставляла меня концентрировать рассредоточенный взгляд и порой подталкивала в плечо. Я клевал носом, но держался и боролся с ломотой и накрывающим меня Морфеем.

Результаты КТ оказались не самыми лучшими — были увеличены внутригрудные лимфатические узлы, и рентгенолог постарался предельно точно сделать описание. Я стоял рядом и тормошил его загробным шепотом:

— Что у меня, доктор? Туберкулёз? Или что, рак? Рентгенолог мялся, и было видно по нему, что он растерян. Ведь я сразу признался, что у меня ВИЧ. Так и сказал в лоб, приняв сознательное решение говорить правду о своём «плюсе». Я все взвесил, я начал жить осознанно, и первым шагом стало:

«У меня ВИЧ, пожалуйста, будьте внимательнее ко мне. Я не обычный пациент, и моя ситуация требует внимания и скрупулёзного отношения!»

После того, как мои снимки были готовы, рентгенолог позвал меня в кабинет и мы вместе изучали состояние моей грудной клетки. Да, без серьезных патологий, кроме увеличенных узлов в средостении. Но почему тогда такая высокая

температура? Этот вопрос я уже задал Вере Николаевне по электронной почте. Она изучила мой снимок и ответила:

«Давай-ка, дружок, ложись в стационар. Хватит заниматься ерундой. Это уже не шутки».

Ее слова были приказом. Возражать я не стал, но все же набрал телефон Кравченко и ещё раз уточнил по своей ситуации. Ответ был таким же: нужно ложиться, и как можно быстрее.

Признаюсь, после того как я начитался ужасных отзывов о стационаре ИКБ2, о контингенте и отношении к пациентам этого учреждения, у меня сложилось крайне отрицательное впечатление. Поэтому я не скрывал настороженности и спросил об этом своего инфекциониста, когда пришёл к ней за направлением на госпитализацию. Екатерина Геннадьевна относилась ко мне с добротой и всегда была со мной искренней. Я доверял ей, а она доверяла мне, и поэтому ее мнение было для меня авторитетным. Она успокоила мои страхи и пообещала, что меня положат в хорошее отделение и там мне обязательно помогут — во всем разберутся и поставят на ноги. Я дал честное слово, что в понедельник явлюсь на госпитализацию.

Вернувшись домой, я понял, что все плохо — температура была сорок два, а легкое состояние было всего лишь эйфорией. Я лёг в постель и принял твёрдое решение, что на госпитализацию я еду завтра, иначе до понедельника не дотяну.

Это был декабрь, до Нового года оставалось совсем чуть-чуть, валил снег, суетились люди, готовясь к праздникам. Новогодние праздники — они для меня сказка, они пахнут детством и счастьем, семейным уютом и родительским теплом. А сейчас я стоял лицом к лицу со смертью. Вокруг царила тишина, и только ветер завывал в вентиляционной шахте многоквартирного дома. Он навевал душевную тоску и ужас, который спит в каждом из нас на генетическом уровне. Тот самый первобытный ужас, который загонял наших предков в глубину пещер. Мой организм ясно ощущал

присутствие голодного хищника, а руки сжимали невидимый остроугольный камень. Зубы скрежетали, и все чувства были обострены. Я чувствовал смерть, и я готовился к схватке.

Я встал и подошёл к зеркалу в туалете. Включил кран и посмотрел на своё отражение. Мой вид был страшен — я впервые видел себя таким. Больше всего меня пугали вздутые толстые вены на руках и лице. Они пульсировали и готовы были лопнуть — огромные вьющиеся синие вены дышали и шевелились подобно червям в могиле. Я закрыл глаза и погрузил голову под струю холодной воды. Мне показалось, что вода зашипела, как она шипит, когда кузнец опускает в нее раскалённый кусок металла. Жаропонижающее с трудом облегчило мое состояние, я тихо уснул, погрузившись в воспоминания о далёком детстве.

Хорошо только в глубоком сне — мягкая колыбель, песня мамы и тихий уютный дом. Часы с кукушкой тикают, считая наше время, детство бежит по лужайкам босыми пятками в никуда. Только во сне бесконечно тепло и уютно, и так не хочется просыпаться. Но кто-то разрывает благодатную негу и вырывает меня, словно окуня из проруби, наружу. Резко проснувшись, я пытаюсь понять, что происходит. Бог мой! Я опять уснул за рулем! Мой автомобиль стоит в огромном туннеле, перекрыв движение в двух рядах. Москва — Рижское шоссе, час пик, а я сплю, раскинувшись в кресле автомобиля. Как такое произошло? Размышлять и паниковать не было времени, я распрямил спину и резко надавил на акселератор. С бешеной пробуксовкой машина выстрелила по прямой траектории к свету в конце туннеля, благо, что ряд впереди был пустой. Подобно душе, освободившейся от надоевшего тела, я мчался легко и непринужденно. Как яркая комета в ночном небе, я пересёк пространство и исчез, оставив о себе только эмоциональные воспоминания.

Вчера, поздно ночью, мы собрали чемодан, и утром я был готов к госпитализации. За окнами творилось черт знает что. Выл ветер, и пурга поднимала снопы снега. Машину засы-

пало, и выехать не представлялось возможным. Требовались лопата и силы, а я еле волочил ноги. Я навсегда останусь благодарным Алисе за ее бесконечную любовь и самоотверженность — быстро собравшись, она, натянув пуховик и шапку, бросилась разгребать снежные завалы. Я стоял у окна и смотрел, как эта хрупкая девушка разгребает снег, как ее тонкая фигурка мелькает в бешеных порывах ледяного ветра, пытаясь одолеть стихию. Это ли не есть подвиг? Тот самый подвиг, о которых мы читаем в книгах. Ей все-таки удалось высвободить машину, и она замахала обеими руками, сигнализируя мне. Я взял чемодан и побрел вниз. Мы обнялись, и я с силой прижал ее к себе. В моей душе было спокойствие — не было страха и паники. Я вдруг понял, что сейчас я стал взрослым. Во мне началось перерождение, проявились первые признаки начинающейся трансформации. Я был готов сражаться — ради жизни, ради любимого человека. Я сел в автомобиль и плавно тронулся в путь, а она стояла и что-то шептала мне вслед, будто пытаясь защитить от беды.

По пути я боролся со одолевающим сном, но силы были исчерпаны, и, немного не дотянув до аэродрома, я уснул, находясь в пробке. Потом мне все же удалось добраться до родителей и, припарковав машину, я позвонил своему товарищу, с которым договорился заранее. Через два часа я сидел в приемном покое «Соколинки», той самой, которой я боялся больше всего на свете, крестясь и плюясь через левое плечо при одном ее виде.

Час ожидания, полчаса осмотра, и вот скрипящая белая «карета» медленно везёт меня к корпусам временной изоляции от общества. Хотя почему временной? Мы так уверены в завтрашнем дне, что спокойно строим иллюзии будущего. Мы абсолютно уверены, что завтра обязательно будет, и никак иначе. И даже находясь тут, в этой обители смерти, мы

верим в счастливый исход, наивно полагаясь на удачу. Но если развить воображение и немного пофилософствовать, можно прийти к заключению, что все же Булгаков был чертовки прав: «Человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен, вот в чем фокус!»

Нам сложно осознать и объять замысел вселенной в отношении нас. Это так же непостижимо и обманчиво, как свет давно погибших звёзд в темном небе. Очень опасно привыкать к зоне комфорта, и очень болезненно, когда тебя насильно вырывают из тёплого лона. Так случается при рождении, так случается в жизни. Мы громко лаем и кричим, бросая на ветер слова, хотя мы все знаем о том, что все это зря. Мы хотим, чтобы счастье и стабильность длились вечно, чтобы любимые всегда были рядом, родители долго жили, а мы всегда были молоды, привлекательны и здоровы. Вот так, ничего не отдавая, мы только берём, собираясь жить вечно. Бездумно нарушая баланс добродетели и коварства, любви и ненависти, жертвенности и предательства, силы и слабости, света и тьмы, мы пожираем дарованное нам время. Мы живем неосознанно, вхолостую, бесцельно, как нужно другим, так, как все, забывая о том, что мы индивидуальны. Что наша собственная жизнь для чего-то, а не потому что. Ведь даже в маленьком котёнке есть смысл бытия. Пожирая своё время, мы необратимо движемся к пропасти и, оказавшись у ее края, пытаемся сопротивляться неизбежному падению. «Почему я? Почему так со мной? Меня прокляли завистники? Я порядочный и добрый, я никому не сделал плохого».

Все дело в том, что вы не сделали ничего. Вы пустой звук, хлопок, пещерное эхо, мираж в пустыне, сухое дерево. И вот теперь, когда находитесь на краю, у вас появляется возможность все переосмыслить. Ибо все же существуют в мире справедливость, возмездие и милосердие.

Глава 5. Наркоманы

И вот я в коридоре отделения стационара. Покрутив головой, я сразу оценил обстановку и окружение. Я понял, что оказался совершенно не в том месте, в котором надеялся оказаться. Это было отделение для наркоманов. Не нужно было иметь особый опыт в идентификации, чтобы безошибочно охарактеризовать окружающих меня сущностей. Они были подобны безликим теням, бродящим неприкаянным душам, призракам, обреченным на мучения. Худые изможденные лица, запавшие глаза и открытые рты, как будто ищущие влаги. Все эти медленные и шаткие фигуры напоминали мне апокалиптические картины романов Стивена Кинга или Говарда Лавкрафта. Я моргал глазами и пытался сориентироваться в происходящем. Пожилая медсестра начала оформление моих документов, а я вкрадчивым голосом задал ей вопрос. Я требовал разъяснений — на каком основании я тут оказался? Согласен, в тот самый момент я реально ничем не отличался от местного контингента, и, доверяя своему опыту в безошибочной визуализации, персонал больницы быстро принял решение запихнуть меня в спецотделение. Я был настойчив и, подобно медиатору, колебал нервные окончания медработника. Я решил применить тактику залпового огня. Я очень громко и отчетливо назвал фамилию человека, который убедил меня ложиться в стационар. Я так и сказал:

— Извините, конечно, но мой врач, профессор Кравченко, сказал мне, что меня положат в нормальное отделение, а не вот сюда.

Удивительно — мои слова, совершенно неожиданно для меня, произвели эффект детонирующего динамита. Да так, что я сам потерял дар речи, получив легкую контузию. Медсестру унесло взрывной волной в глубину коридора, а затем она с той же скоростью вернулась обратно, но уже в сопровождении врача. Вдохновлённый первой удачей, я ещё громче повторил информационный вброс, который не совсем соответствовал действительности, но отчасти был правдой. Выбирать мне не приходилось: что будет потом, для меня было маловажно, сейчас мне нужно было спасать свою задницу. Округлив глаза, врач затараторила:

— Так, так, так! А почему это я ничего не знаю! Так, так, так!

Я не растерялся и открыто заявил: — Ну, значит, узнаете, ну не буду же я вас обманывать. «Мама дорогая! Что я несу? Ну, да, Алексей Викторович мой врач, но это же неофициально. И ничего такого он мне не обещал, а просто сказал, что нужно ложиться».

В любом случае сдаваться было нельзя — нужно было дальше гнуть свою линию. Спасибо врачу, я ей благодарен, она сразу же принялась звонить куда-то, но безуспешно. Ведь я не учёл одно обстоятельство — сегодня, сука, была пятница, а это значит, что все врачи уже дома, а завтра у всех выходной. То же самое сообщила мне врач и тут же добавила, повернувшись к медсестре:

— Лена, мне кажется, что у Васина состояние улучшилось?! Ну-ка, давай, скажи ему, чтобы собирал шмотки и шёл в общую палату.

Медсестра попыталась возразить: — Да нет же! Он ещё не совсем в порядке! На что врач ответила убедительнее: — Я тебе говорю же, все у него уже хорошо, давай не рассуждай, иди гони его.

Я наблюдал за происходящим и понимал, что мне все же придётся зависнуть тут до выяснения обстоятельств. Долго ждать я не стал, а быстро схватил чемодан и ринулся вслед за медсестрой. Навстречу вели пациента Васина, который дико протестовал против произвола больничных властей. Все продолжалось недолго, и вскоре его пламенная речь стихла в чёрной пещере палаты на восемь человек. Оттуда раздавались нечленораздельные звуки постояльцев, от вибраций которых мне захотелось закрыться за железной дверью.

Моей же была палата, разделённая на два бокса. В один из них заселили меня, а в другом творился бедлам. Гогот и шум, Шнуров и Высоцкий. Было ясно, что там развеселая компа-

ния, соседство с которой обещало мне задорные выходные. Я поздоровался с парнем, который находился в моем боксе на койке напротив меня, и без сил рухнул на свою. Только поздно вечером я обратил внимание, что моя подушка представляла из себя отвратительно пахнущий комок, покрытый запекшейся кровью. Я впервые видел подобный атрибут быта — было ощущение, что вот только вчера на этой подушке кто-то выстрелил себе в голову из дробовика. И его остывший мозг так и остался на долгую память об этом несчастном. Впечатление было жуткое, и я, недолго думая, пошёл искать персонал. С большим трудом мне удалось заменить подушку на что-то менее грязное, хотя до идеала было далеко. Но у меня уже не было сил и желания бороться с системой.

Ночью я вышел в поисках туалета. Пока я брел по темному коридору в направлении единственного источника света, из мрачных подвалов моего воспалённого сознания вдруг выступили персонажи фильма «Восставшие из ада» — я проходил мимо палаты, откуда раздавались дикие стоны, и воображение нарисовало мне образы палачей и обреченных на муки несчастных. Скрежет железной кровати на

помнил цепи с крюками, на которые подвешивали истязаемых, а крик боли заставлял леденеть кровь в жилах.

— Ты слышишь? Развяжи-и-и меня, молю! Помоги-и мне! — голос, наполненный страданиями, умолял о помощи.

Я ринулся к посту медсестры. Подбежав к ней, я рассказал, что сейчас слышал. Я сбивался и тараторил, пытаясь помочь человеку. Но медсестра посмотрела на меня и спокойно произнесла:

— Ой, да хрен с ним! Наркоманы поганые. Если я его развяжу, он опять бросаться на нас станет. Пусть лежит до утра.

Я был в шоке — я пытался осознать происходящее, но осознал только одно: я многого не знаю и мое вмешательство не имеет никакого смысла. Поэтому я просто попросил ее сделать мне жаропонижающее, ведь температура поднялась до сорока двух и мне было отвратительно плохо. На обратном пути я зашёл в туалет и окунулся в туманную пелену никотинового смога. На корточках сидели трое парней в спортивных штанах, типичные такие гопари. Закрыв глаза, они качались подобно маятнику часов. Я развернулся и толкнул дверь кабинки. Дверь во что-то уперлась, я надавил, но ничего не получилось. Тогда я просунул голову за неё и увидел сидящую на унитазе бледную мумию. Штаны были спущены, глаза закрыты, а из рта стекала длинной нитью слюна. Он не шевелился, погруженный в оцепенение. Вернувшись назад, я забрался под одеяло и уснул. Впереди было ещё два дня до понедельника.

После бессонной ночи наступила суббота, которая принесла с собой новые знакомства и впечатления. Ранним утром мне выдали телогрейку и валенки и в компании других пациентов погнали на рентген. Кабинет рентгенолога находился в другом корпусе, и, чтобы в него попасть, нам

пришлось идти по засыпанной снегом улице. Было темно и холодно, дул ветер, и мы, кутаясь в телогрейки и под конвоем медсестёр, медленно брели к темному зданию, стоящему в стороне. В голове крутились слова из песни: «мой номер двести сорок пять, на телогреечке печать», а окружающая атмосфера рисовала воображаемую колючую проволоку и заборы. Двое пациентов покрепче — катили каталку с лежащим человеком. Картина представляла печальное зрелище: со стороны это напоминало наваленную кучу хлама, из которого торчала неподвижная голова с застывшим, как у куклы, лицом. Медленно падали, кружась и качаясь, снежинки, а глаза лежащего не моргая смотрели в темное небо. Тело было укрыто одеялами и обвязано крепкими ремнями во избежание падения. Каталку трясло на наледи асфальта, непослушные колёса выворачивались и начинали загребать снег. Двое парней с трудом волочили скорбный транспорт и, когда тот забуксовал на скользкой поверхности, не в силах были спра-

виться с ним. Тогда двое других отделились от толпы, чтобы помочь и вытолкнуть проклятую телегу из колеи.

Затем мы стояли в помещении, ожидая своей очереди, а груженая каталка стояла рядом и навевала на нас безнадёжную пустоту. Каждый инстинктивно старался держаться подальше от изуродованного болезнью несчастного и отворачивался в сторону, чтобы не привлекать беду. Вернувшись в отделение, я забрался под тонкое одеяло и застыл в раздумьях.

Я лежал в койке, рассуждая о грядущем понедельнике. Меня волновал один главный вопрос: что со мной будет дальше? Температура на спадала, и только постоянные жаропонижающие уколы облегчали мое состояние. Мне было страшно оттого, что в понедельник раскроется моя ложь во спасение и, конечно, меня оставят здесь, а может, закинут в общую палату с наркоманами. Нет, меня не пугало это об

щество — большая часть моей молодости прошла в подобной среде обитания…

В 1995 году, отслужив в армии, я вернулся в другую страну. Мой любимый город превратился в урода, изменились люди, изменилась молодежь. Я шёл в военной форме по знакомым с детства улицам и не узнавал их. Я не узнал друзей — из добрых, непорочных и светлых мальчиков они превратились в пацанов со стеклянными глазами. Что с вами стало, друзья мои? Что стало со страной? Бог мой!

Сначала я хотел вернуться в армию и служить по контракту в Чечне, но, подумав, я решил вернуться к музыке, которой занимался с четырнадцати лет. Я решил жить как рок-звезда и преобразился — длинные спутанные волосы, кеды, рваные джинсы и кожаный пиджак, а из-под чёрных очков на этот сраный мир смотрели узкие зрачки моих обдолбанных глаз. Моя музыка и песни стали мрачными, надрывными и полными боли. Я создал новую группу, и ночная жизнь затянула меня в свои сладкие сети. Подобное притягивает подобное, и вскоре все мое окружение стало таким же, как и я сам, а потом среди нас появился ВИЧ. Вот тогда я впервые задумался, но не остановился. Потом я долго пил — заливал творческий кризис, пытаясь забить гвозди в крышку собственного гроба. Я сам себе рыл могилу и хорошо это понимал. А вскоре все мои друзья стали умирать от СПИДа, один за другим. А однажды я и сам отправился туда, куда так рвался. Но меня спасли, и, получив право на жизнь, я стал жить иначе. Порвал со всем извращенным миром и попытался вырваться из лап демонов, и мне показалось, что я успел убежать...

Вот поэтому все эти люди, находящиеся в отделении, меня не пугали, но меня пугало другое. Меня пугали лики смерти, смотрящие на меня, — я чувствовал смерть в их тяжелом дыхании, она смотрела на меня из их пустых глаз. От этих людей пахло тленом и веяло погибелью, а я хотел

жить. Впервые я страстно хотел жить и молился Богу о спасении — днём и ночью, днём и ночью умоляя о прощении…

В соседнем боксе творился бедлам, в коридор выходить не было желания, из окна сквозило, было холодно и очень тоскливо. Настроение поднимал сосед по боксу, который не давал мне умереть от тоски. Периодически он доставал из-под подушки алюминиевую трубку, забивал ее и, прикурив, глотал ароматный дым счастья. Он мне понравился сразу — скромный, обаятельный, интересный собеседник, и, хотя он был бывшим наркоманом, он смог сохранить человеческий облик. Он был живой — он напоминал мне доброго индуса на восточном рынке. Мы разговаривали о разных вещах, происходящих с нами, о жизни и мечтах, о событиях и приключениях, которые с нами случались. Так незаметно наступила ночь, и тут к нам постучались гости — это были две девушки. Одна из них была с перебинтованной ногой и сидела в инвалидной коляске. Как оказалось, она долго торчала на веществах и в итоге у неё отказали ноги, что сподвигло ее уйти в завязку. Она достал сигарету, прикурила и философски подняла голову в потолок. Я, поправив подушку, принялся слушать ее монолог: о превратности жизни, о судьбе, о козлах-барыгах и ментах. Она была достаточно активной и бодрой, несмотря на

нулевое количество клеток CD 4 и миллион вирусной нагрузки. Хотя о чем я говорю и чему я удивляюсь?

Могу добавить только, что в этом приюте все пациенты, как оказалось, были в глубоком СПИДе. Об этом я узнал, чуть позже познакомившись с громкими соседями, но об этом потом.

Интереснее была другая девушка. Что-то жуткое происходило с ее лицом. Оно было спокойным и непроницаемым, но неожиданные мимические гримасы искажали его, меняли до сходства с лицом сатира или беса. В полутьме комнаты эти метаморфозы производили на меня ощущение присутствия темной силы. Свет лампы отражался в ее гла

зах, и их дьявольский блеск гипнотически приковывал к себе внимание. Воображение рисовало торчащие рога, и мне казалось почему-то, что она пришла за мной. Мрачное ощущение усиливали визги и бесовской смех за стеной, напоминая мне, что ад всегда рядом — он среди нас.

И вот она придвигается ближе к моему соседу, и он, подчиняясь ее воле, начинает ее целовать, обняв руками. В этот самый момент ее подруга продолжает свой рассказ, пододвинув ко мне коляску. Она говорит шепотом, чтобы ее не услышали другие:

— Представь, у этой дуры гниет бедро, да, да, я сама видела. Из него гной течёт, а нога чёрная, прикинь! — Она показала жестом на ногу. — Бедро гниет, а она все равно употребляет, вот овца, — добавила она, подумав. — Ладно, я поехала, пока.

Она медленно выкатилась в коридор и исчезла в темноте.

Я представил эту жуткую картину — гниющее бедро, гангрена, а может, туберкулёз костей. И вот сейчас она лежит в койке в полуметре от меня, а намерения моего напарника очень серьезные. Это было понятно по той нежности, с которой он стягивал с неё одежду. Все эти стоны смешивались с какофонией соседей, дымом от сигарет и музыкой. Я понял, что сейчас сойду с ума, поэтому вышел в коридор. По его темному проему несся человек с зажатым в руке шприцем, а за ним вдогонку бежала медсестра.

— Скотина, отдай шприц! — кричала она, но ее усилия были тщетны.

Я ввалился обратно в палату и жестко прекратил бардак, творящийся в ней, выгнав парочку в коридор. Может быть, я был не прав, поэтому, когда мой сосед вернулся назад, мне пришлось перед ним извиниться за все грубые слова в его адрес.

Мои слова были искренны, мне просто было страшно, поэтому я был так откровенен. Я впервые задумался о своей жизни, и сейчас, находясь здесь, я ясно осознал происходя

щее со мной. Звонила супруга и плакала, и я слышал в ее голосе страх за мою жизнь. Я видел лицо врача и взгляды медсестёр, и вот, внутри меня появился легкий сквозняк страха, который дул через замочную скважину двери, запирающей бездну. В мрачном коридоре кто-то сидел на корточках, а кто-то просто брел, держась за стену и еле переставляя ноги. Один из обреченных, весь покрытый татуировками, разруливал непонятки, возникшие среди торчков, и что-то жестко говорил, пытаясь урегулировать конфликт. Все это наполняло мою душу хаосом. Здесь царила смерть, медленное умирание, но самое страшное, что умирание было осознанным. Все эти люди сознательно обрекали себя на смерть — они разваливались на куски подобно прокаженным, харкали кровью и истекали испражнениями, но все равно с остервенением насаживали себя на стальную иглу. Красный цветок медленно лишал их жизни, но не только жизни — он забирал и их души. Это есть диавол — чёрный паук, плетущий тонкую невидимую паутину, в которую попадают беспечные мотыльки. У них был глубокий СПИД, а оппортунисты добивали изуродованные тела, но жажда была сильнее инстинкта самосохранения, и мне было ясно, что эти несчастные обречены. Единственным методом воздействия на них было привязывание к железным кроватям. Сложно описать их мучения, это невозможно сделать и это невозможно понять. Так же как невозможно понять отсутствие заместительной терапии, уголовные наказания, а не лечение для потребителей, и отсутствие здравого смысла. Кто виноват в трагедии этих людей? Кто обрёк их на гибель, открыв ворота и развязав руки

наркокартелям? Кто обогащается на жизни и смерти народа? Кто разрушил огромную страну, а на ее обломках создал рабовладельческую систему, отодвинув ненужных людей за черту бедности? Почему всю ответственность возложили на плечи обычных парней и девчонок, которые даже не видели жизни? Сейчас их привязывают к кроватям просто потому,

что других методов нет. Врачи здесь ни при чём, все намного глубже и сложнее...

Девушку с гниющим бедром увезли на операцию. Было заметно, что мой сосед переживает за неё — обычно общительный и жизнерадостный, сегодня он был мрачнее тучи. Я решил его приободрить — заварил чай, достал из сумки шоколад и положил на тумбочку. Потом, подумав, взял ещё одну плитку и пошёл знакомиться с соседями. Нужно было урегулировать громкость музыки, которая не смолкала.

Я застыл на пороге, раскрыв рот от увиденного. В сигаретном дыму, под песню Высоцкого «Чуть помедленнее кони», на сдвинутых кроватях собралась компания парней и девушек. Все это напоминало обычную молодёжную вечеринку-квартирник, а не палату в инфекционной больнице. Стояли бутылки и кружки, лежали пачки сигарет и карты. На меня вопросительно смотрели несколько пар узких зрачков, а сидящий посередине громила с бородой спросил:

— Оба, ты откуда? А нахера тебе маска? Присаживайся. Будешь чего? У нас все есть…

Я не ожидал такого приёма, но в любом случае задерживаться не собирался. Поэтому тихо ответил:

— Да нет, ребята, я пойду. Вот вам подгон к чаю. Плохо мне чего-то, ноль клеток всего, температура затрахала и настроения нет.

— Так мы чай не пьём. Да ладно, брось печалиться, братан, — мне ответили хором, — тут у всех ноль, и ничего. Давай, садись, отдыхай.

Я рассмеялся и, вручив им шоколад, пошёл обратно в койку. Эта компания долго не выходила из головы, не выходит сегодня и вряд ли выйдет завтра.

Ave Caesar! Morituri te salutant! (Славься, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!) Под торжественные громы барабанов и с гордо поднятой головой гладиаторы, идущие на смерть, приветствовали императора. Все они были обречены в неравной битве с монстром, но всем своим видом презирали смерть — смеясь ей в лицо.

У этой компании можно было поучиться самообладанию — в таком состоянии они находили силы не падать духом. Это было глупо и беспечно, но все же заставляло задуматься. Это была особенная философия, они не строили из себя жертв и не просили жалости. Не вопрошали небеса и никого не винили в своей беде. Да и беда была не бедой, а обычным этапом жизни. Они не боялись смерти и не цеплялись истерично за жизнь. Это была уже другая категория людей, в отличие от бродящих по коридорам зомби. Видимо, поэтому они тоже не выходили из своего убежища, брезгуя отверженным обществом. Может быть, так удобнее выживать? Может быть, так проще найти опору в жизни? Ведь если мы никому не нужны, то мы должны объединяться в стаи.

Я настороженно прислушивался к жутким воплям нечеловеческой боли, которые становились все ближе и ближе. И вот эти истошные крики и стоны совсем рядом, они звенят в ушах и пробираются внутрь сознания. Они заставляют вжаться и зажмуриться, а сердце учащенно биться. Мой напарник вскакивает с кровати и выбегает в коридор, за ним выползаю я и все другие обитатели палат. Я вижу жуткую картину: в палату после сложной операции привезли вчерашнюю гостью. Она кричит от боли, пронзающей ее хрупкое тело, и бьется, как раненая птица на асфальте. Ее боль распространяется на каждого стоящего рядом, а мой сосед, держа ее за руку, вопросительно крутит по сторонам головой. Он ищет помощи — его глаза, полные слез, просят о милосердии. Он бросается к дежурному врачу и требует, чтобы он выдал обезболивающее. Но врач отталкивает его руками и во весь голос орет, смотря на нас:

— Может, ей ещё вещества дать? А? Она наркоманка, ее обезболивающие не берут! Что ещё непонятно? У неё некроз кости! Вы хотите, чтобы она сдохла?

Поднимается буча и перепалка с персоналом, но это ничего не меняет. Ведь это всего лишь шайка наркоманов, ко

торым и жить на свете незачем. Эту жутко, но операцию пришлось делать без анестезии. Иначе ее было не спасти — все было очень плохо. Из-за постоянных инъекций в пах туда попала инфекция и развился сепсис, а затем и некроз кости. Пришлось пилить кость на живую в течение двух долгих часов. А теперь страдания продолжались, и облегчить их никто не мог. Все это было расплатой за удовольствия и беспечность. И вот, находясь здесь, я ясно ощутил ее неизбежность. Тут обрывалась та самая длинная веревка, которая, как мы думали, будет виться вечно. Тут заканчивались детство и юность, тут было все по-взрослому больно. Здесь не было дома и родителей, друзей и любимых, здесь все было чужим, враждебным и до слез неизбежным. Самым роковым и последним, глубоким и остро-каменным, удушливым и безоговорочным. Здесь пуля достигала цели, а капкан захлопывался, поймав зверя. Тут открывалась та самая запретная дверь, чтобы тут же закрыться навсегда, став ловушкой. А дальше только чёрные мешки…

Поздно вечером в отделение вошли полицейские. Они что-то быстро обсудили с врачом, и через мгновение в коридор ввезли каталку с прикованной наручниками женщиной. Я стоял возле стены, а громыхающая повозка проехала рядом со мной; глаза женщины были закрыты, и было ясно, что она без сознания. Осталось непонятным, зачем ее руку приковали наручниками. Каталку завезли в палату, и двое копов уселись на стульях возле входа.

Я ждал утра, которое должно было все изменить. Я ждал прояснения ситуации, в которой оказался. Я ждал ответа на вопросы, ждал результата рентгена, я ждал приговора, надеясь на оправдательный вердикт. Но в любом случае теперь я не ждал легкого пути. Теперь я приготовился к битве, к долгой и трудной схватке с врагом. Я прочитал молитву и постарался уснуть — эмоции переполняли мое сознание, меня трясло от их переизбытка. Из головы не выходили се

годняшние события, которые перекроили мое мировоззрение, став первым важным уроком жизни.

В понедельник утром я проснулся раньше обычного. Попросив укол жаропонижающего, я стал беспокойно ожидать врачей после выходных. Сердце бешено стучало от прилива адреналина, я крутился в кровати, не в силах унять беспокойный ум. В девять утра, не выдержав ожидания, я выбежал в коридор и стал названивать Алексею Викторовичу. Я понимал, что мне нужно предупредить его о том форс-мажоре, произошедшим со мной, и признаться в том, что я наговорил врачам. Я рассчитывал на понимание и снисходительность профессора. Но все безуспешно — абонент был недоступен, и все мои надежды смылись бешеным потоком в шумящий унитаз. Мне показалось, что меня бросили, обо мне забыли, и больше никогда мне не увидеть белый свет. Вот так и останусь я тут, чтобы сгинуть во тьме невежества. В одиннадцать утра я сделал последний маршбросок на амбразуру сестринского поста. Увидев меня, медсестра, округлив глаза, громко протрубила радостную весть:

— Какого хрена ты ещё тут? Тебя перевели в другое отделение, Кравченко распорядился.

Я застыл и стоял как вкопанный, раскрыв рот, пытаясь осмыслить происходящее — шокирующая новость не могла найти место назначения в моем мозгу. Она металась как сумасшедшая муха возле лампы, бьющаяся, звонко звеня, о плафон фонаря. Открывая и закрывая рот, я был похож на рыбу в аквариуме — как она, шевеля плавниками и хвостом, ловит течение воды, я ловил течение мысли.

— Чего застыл? Бегом собирай вещи, сейчас за тобой придут! — Медсестра поддала мне виртуальный пинок, и я, взметая пыль, бросился в палату собирать вещи.

Собирался я быстро, сваливал без разбора в сумку свой скудный скарб и был похож на заключённого, получившего неожиданное помилование и свободу. Последний раз я так собирался на дембель в армии — так же радостно и с чув

ством птичьего полета, предвкушая долгожданную весну. Распахнулась дверь, и в палату ввалился громила из соседнего бокса.

— Ты Куракин? Собирайся, за тобой пришли. — Он, криво ухмыляясь, отодвинулся в сторону.

За его огромной фигурой стояла невысокая девушка в белом халате и, моргая, смотрела в мою сторону.

— Денис Сергеевич, вы готовы? Пойдёмте со мной, вас переводят к нам в отделение.

Я ликовал, я радовался этому маленькому счастью. Пожав руку соседу и пожелав ему удачи, я на космической скорости пулей направился в рай…

Глава 6. Прозрение

Мое вознесение было подобно библейскому — из тьмы преисподней, на стальном коне в сопровождении ангела, наконец-то прощенный, я оказался у райских ворот. Открылись двери, и я очутился в другом измерении — наполненном светом. Конечно, все это эмоции, и они будут непонятны читателю. Непонятны, потому что это нужно прожить. Это нужно ощутить всеми фибрами своей души, это нужно выстрадать и попробовать «на язык». У этого ощущения горький вкус, но оно необходимо, чтобы почувствовать разницу. Оно необходимо, чтобы полюбить жизнь и посмотреть на неё с другой стороны. Чтобы научиться ценить малое и верить в самые невозможные чудеса.

Как оказалось, в мужской половине мест не было, и поэтому меня положили в женское отделение. Палата была пустой, и мне дали возможность выбора наиболее комфортного для меня места. Я сразу выбрал койку у окна и, подождав, когда добрая медсестра застелет постель, грохнулся на мягкие перины, вытянул ноги и расслабился. Какой же я был счастливый! Я благодарил вселенную за помощь и очередную милость по отношению ко мне.

Вошли молодой врач и заведующая отделением. Представились и устроили мне маленький допрос о моем состоянии, полностью осмотрели и сказали, что завтра будет готов снимок и станет ясна причина моей температуры.

Конечно, с учетом моего низкого иммунного статуса ожидать чего-то хорошего не стоит. И вообще мое нахождение здесь под большим вопросом — очень вероятно, что меня могут перевести в туберкулёзную больницу. С такими CD 4 есть большая вероятность развития туберкулёза или пневмоцистной пневмонии. Поэтому, если снимок покажет, что это туберкулёз, меня переведут в другое место.

Да! Рано я радовался и ликовал. Рано распушил перья и почувствовал себя павлином. У вселенной все непросто — если уж за тебя принялись, то будь готов, что спросят по полной. Тут нянчиться не станут, если уж пал выбор, то отвечать за все придётся. За все спросят и ничего не упустят. Это не мамке врать, тут ответ держать по всей строгости. Здесь и не таких кололи, и каким бы фартовым ты ни был, здесь ты становишься дешевле самого малого гроша и меньше самой маленькой мыши.

Это двусторонняя пневмония — на утреннем обходе мой лечащий врач сообщил мне результат рентгена. Мне были назначены антибиотики, и через двадцать минут в моей вене красовалась красная бабочка. Я набрал телефон Кравченко и поспешил сообщить ему о своём диагнозе, а заодно поблагодарить за спасение. Выслушав мое эмоциональное повествование, Алексей Викторович спокойно сказал:

— Денис, я все знаю. Мы с Верой Николаевной сами проверяли твой снимок и делали заключение. Ты не волнуйся, твой врач все мне докладывает на утренних планерках. Лечись и выздоравливай. Успехов, и если что, звони.

Я понял, почему мой лечащий врач утром вёл себя както нервно, был немногословен и напряжен. Я ломал голову, пытаясь понять причину, и вот теперь все стало на свои места. Теперь я был под контролем верхов, и молодой врач чувствовал давление и повышенную ответственность. Ну, тем лучше, — подумал я, — нечего расслабляться им. Теперь

мне захотелось отключиться от проблем и страхов и сосредоточиться на лечении.

Чтобы не сойти с ума от одиночества, я решился преодолеть страхи и выбраться из норы самокопания. После погружения в потусторонний мир, который забирал остатки веры и желание жить, это место явно стимулировало к положительным сдвигам. Общение с заботливым медперсоналом, яркий свет коридоров и адекватная публика окончательно развеяли дым от погребального костра. В моей душе появился покой и иллюзия радости. Золотоглавый храм в

проеме окна, подобно маяку, сверкал лучами золотого солнца, а морозный воздух из раскрытых створок наполнял сознание потоком жизни.

Я бродил по коридору — очарованный состоянием покоя, релаксировал, размышляя о скором выздоровлении. Я представлял, как я возвращаюсь домой, как меня встречает Алиса, как наша жизнь входит в прежнее русло. И, конечно, в этот момент я даже не догадывался, что все мы зависли над пропастью. Что моя жизнь больше никогда не станет прежней. Что это только начало испытаний, сложные загадки, которые мне суждено было разгадывать во избежание конца. Я ступил в темноту лабиринта, приводящего в тупик и наполненного коварными ловушками. У меня не было навигатора и подсказок, не было спасительной нити Ариадны, были лишь горькие воспоминания и всеобъемлющая пустота. Оракул спал, и его полузакрытые глаза пугали ледяной прозрачностью. Я смотрел на них завороженно, следя за мимолетным движением век. Я пытался молиться в одиночестве вечера, стоя в темном углу у окна. Хотя какой из меня святоша? Какие молитвы? Только нелепые желания и брюзжание во спасение.

И вот однажды утром я по обыкновению бродил тудасюда, философствуя и предаваясь мечтам. Я плыл в фантазии, когда внезапно в моем поле зрения появились три девушки. Они шли мне навстречу и, как это водится, кого-то

обсуждали. Я отодвинулся в сторону, уступая дорогу, а проходящие мимо замолчали и лукаво просканировали меня сверху вниз. Дальше все было в духе школьного флирта — ужимки, смешки и перешёптывания. Не теряя времени, я бросил вслед:

— Извините пожалуйста! — Троица остановилась и мгновенно развернулась в мою сторону, навострив ушки.

— Девушки, а у вас случайно нет кипятильника? Очень хочется чая. А то шоколад есть, а чая нет.

Три улыбки в ответ дали понять, что «нофелет» всетаки существует и теперь я принят в компанию, с которой можно будет отвлечься от сплина. Ведь женские смех и болтовня всегда лучше угрюмых мужских жалоб и пошлых бородатых анекдотов.

Забежав за кружкой и шоколадкой, я пришёл по указанному адресу, распахнул дверь и шагнул в палату. Я растерялся от неожиданности — улыбаясь, на меня смотрели восемь пар глаз. Это было очень нелепо и смешно — они застыли с интересом, кто-то поправлял волосы, кто-то пижаму, а я стоял как оловянный солдатик с зажатой в руке кружкой. Возникла пауза, тогда я, собравшись, громко представился:

— Привет, я Денис, меня забросили к вам в отделение, хочется чая, а кипятильника нет. Помогите чем можете!

Вот так я нашёл себе добрую компанию — все это позволило на мгновение забыть страшную действительность, и я был рад этому знакомству, впрочем, как и они. Находясь в этом месте, имея одинаковый диагноз и абсолютную неизвестность за пеленой надвигающегося шторма, мы искали поддержку друг в друге. На мгновение мы забыли о болезни и страхе за жизнь, и лишь порой кто-то из нас отстранялся, и лицо его мрачнело, а глаза наполнялись слезами. Мы бродили по коридорам, а вокруг появлялись новые люди. Веселая компания привлекала внимание и тянула желающих вступить в нашу команду. Вечером мы собирались в палате, пили чай и болтали о жизни — так было легче отвлечься. Мы все смертны, а жизнь ВИЧ-позитивного смертна вдвой

не. Оставаться одному страшно и невыносимо — в первую очередь от самого себя. Ты становишься жертвой и хищником одновременно, а точнее, падальщиком, который терпеливо ждёт умирающую жертву. И вот, дождавшись, когда тело лишится духа, твой внутренний падальщик с нетерпением начинает пожирать еще тёплую плоть. Пожрав самого себя, ты не оставляешь себе надежды на жизнь, опуская руки, разрешаешь смерти стать хозяйкой положения. Вот именно тогда я понял, что я хочу создать общество похожих людей. Общество тех,

кто хочет выжить и спастись. Тогда все было зыбко и неосознанно, но положило начало новому направлению моего сознания.

Моим новым попутчиком в этом непростом сжатом пространстве оказался скромный и сильно замкнутый в себе человек. Он был раздавлен тяжёлой депрессией, которая лишала его сил и желания сопротивляться демону пустоты. Он занял койку у противоположной стороны палаты и старался не привлекать к себе внимания. По сути, с его приходом мало что изменилось, и меня это вполне устраивало. Лишняя болтовня отвлекала меня от размышлений и созерцания мерцающих далеких звёзд, которые удерживали меня от падения. Там, далеко-далеко, они собирались в созвездия, которые подчиняли всех нас своим законам. Ведь каждый из нас является частью глубокого дыхания жизни, а значит, и хранителем, сосудом и великой тайной. Отдаваясь пустоте и растрачивая этот огонь напрасно, мы сами обрекаем себя на скитания и гибель...

Ночью я долго не мог уснуть — крутился в мокрой кровати, утопая в поту от настигшего меня жара. Я переодевался, переворачивал матрас и ложился обратно, чтобы через час опять переодеваться по новой. Происходящее, подобно бесконечно мелькающей карусели от первой в жизни бутылки вина, вызывало рвоту и раздражение. Я пытался читать книгу, но у меня это плохо получалось. Потом я успокаивался и, расслабившись, отпускал гнетущий страх

и желание бежать. Я представлял Алису, я воображал в своём сердце наше будущее. Я словно художник рисовал свою лучшую картину, как архитектор создавал самый грандиозный проект. Я был писателем и поэтом, пишущим своё самое сокровенное произведение, я был композитором, сочиняющим Божественную рапсодию, я был огнём созидания...

Но все же я знал, что все теперь зависит не только от меня и не только от моей страсти — жить. Я всегда был разрушителем, я не умел создавать, я умел лишь пользоваться. Я оставлял за собой пустыню, руины, обиды и разочарования. Все, что я создал, было подобно хрупкому стеклу, покрытому трещинами. Музыка, стихи, песни — все это горело синим пламенем и летело серым пеплом в небо. Я оставлял за собой слёзы и печаль — я был бесцветным. И вот сейчас, плавясь на железной кровати, я испытывал глубокое разочарование от своей жизни. Обернувшись назад, я не увидел своих следов, я ничего не оставил за собой, лишь одиночество и пыль…

За окном мрачным переливом цветов сияло око на мрачной башне. Оно напоминало злую неведомую силу, роковой маяк, привлекающий корабли и обрекающий их на погибель. Мне казалось, что весь город стал наполнен злом. Я ненавидел этот мрачный бездушный каменный склеп. Я вдруг резко осознал всю бездуховную составляющую этого творения. Этот город уродовал людей, он делал их равнодушными к чужим страданиям. Он делал их пустышками, манекенами, лишенными эмоций и любви. Он создавал копии, один к одному, под копирку, под клише, под формат, которые не замечают боли других существ. Мы живем, не задумываясь о том, что в эту самую секунду останавливается чьё-то дыхание и звонящий телефон сообщает, что его или ее больше нет. Внизу, у подножья этой больницы, проходил караван из белых карет с красными крестами. Он был бесконечным и беспрерывным, как ве

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.